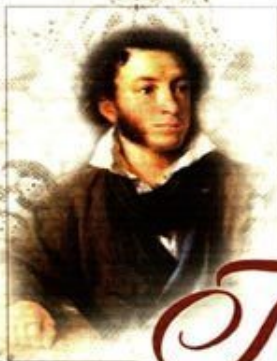
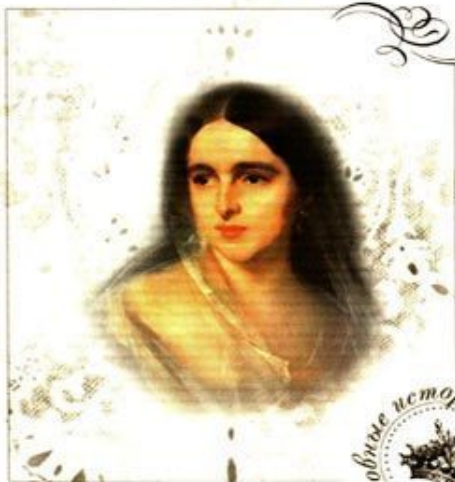

Лариса Черкашина

Пушкин и Натали

Лариса Андреевна Черкашина
Пушкин и Натали
Серия «Любовные истории великих»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27105949
Пушкин и Натали: Алгоритм; Москва; 2007
ISBN 978-5-9265-0511-2

Аннотация

Любовь к Натали – потаенный роман русского гения. Он создавался в том же временном пласте, что и всемирно известные пушкинские поэмы и повести. Либо поэтические шедевры были явлены в мир в одно время с ним, неизданным романом, который, по аналогии с любимым детищем поэта, мог быть назван именем его главной героини – «Наталия Гончарова». И все в нем неразделимо – и судьба его творца, и жизнь героини: любовь, злодейство, смерть, ревность...

Натали предстояло стать женой и музой Пушкина. Судьба увенчала ее блистательным алмазным венцом. Но так ненадолго. Словно примерила. И сменила – на терновый. Но в награду за веру, любовь и страдания оставила ее имя в истории русской поэзии. На века.

Книга известного пушкиниста Ларисы Черкашиной – история трагической земной любви русского гения и его Мадонны.

Содержание

Любовь и смерть	5
Пред вечностью	5
Вдова	11
Школа злословия	15
«Бедная!!!»	18
Затворница	21
«И жизни лучшие часы»	26
Портрет невесты на рукописи «Полтавы»	32
«Приехал... Пушкин»	32
«Узнал ли ты...»	35
«И день настал»	37
«Одной тобой»	40
Звездный час Натали	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Лариса Андреевна Черкашина Пушкин и Натали

*Евгении Черкашиной, моей маме, в жизни
которой была великая любовь*

© Черкашина Л.А., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

* * *

Любовь и смерть

*И, может быть, утешен буду я
Любовью...*
А.С. Пушкин

Пред вечностью

Как легко вызвать из небытия голоса тех, кому Бог судил стать свидетелями тех горьких январских дней 1837-го, последних в жизни Пушкина.

Вот они, великие очевидцы.

Князь Петр Вяземский:

«Это были душу раздирающие два дня; Пушкин страдал ужасно, он переносил страдания мужественно, спокойно и самоотверженно и высказывал только одно беспокойство, как бы не испугать жены. «Бедная жена, бедная жена!» — восклицал он, когда мучения заставляли его невольно кричать...»

Софья Карамзина:

«Приехав домой, он увидел жену и сказал ей: «Как я рад, что еще вижу тебя и могу обнять! Что бы ни случилось, ты

ни в чем не виновата и не должна себя упрекать, моя милая!»

Василий Жуковский:

«Княгиня была с женою (Наталией Николаевной), которой состояние было невыразимо; как привидение, иногда прокрадывалась она в ту горницу, где лежал ее умирающий муж; он не мог ее видеть (он лежал на диване лицом от окон к двери); но он боялся, чтобы она к нему подходила, ибо не хотел, чтобы она могла приметить его страдания, кои с удивительным мужеством пересиливал, и всякий раз, когда она входила или только останавливалась у дверей, он чувствовал ее присутствие. Жена здесь, говорил он. Отведите ее. Что делает жена? спросил он однажды у Спасского. Она, бедная, безвинно терпит! в свете ее заедят».

Владимир Даль:

«Кто у жены моей?» – спросил он между прочим. Я отвечал: много добрых людей принимают в тебе участие – зала и передняя полны, с утра до ночи». «Ну, спасибо, – отвечал он, – однако же, поди, скажи жене, что все слава Богу, легко; а то ей там, пожалуй, наговорят!»

Александр Тургенев:

«Ночью он кричал ужасно; почти упал на пол в конвульсии страдания. Благое провидение в эти самые минуты послало сон жене; она не слыхала криков; последний крик раз-

будил ее, но ей сказали, что это было на улице...»

Княгиня Екатерина Мещерская:

«Между приступами своих ужасных страданий он звал ее, ласкал, утешал. Он говорил, что она невиновна в его смерти и что никогда ни на минуту он не лишал ее своего доверия и любви».

Пушкин – доктору Спасскому:

«Не давайте излишних надежд жене, не скрывайте от нее, в чем дело... Она должна все знать».

Александр Тургенев:

«Опять призывал жену, но ее не пустили; ибо после того, как он сказал ей: «Arndt ma condane je suis blesse mortellement» («Арендт сказал мне мой приговор, я ранен смертельно» – *фр.*), она в нервическом страдании лежит в молитве перед образами».

Предсмертная просьба Александра Сергеевича – ему захотелось моченой морошки:

«Позовите жену, пусть она меня покормит».

Владимир Даль:

«Наталья Николаевна опустилась на колени у изголовья смертного одра, поднесла ему ложечку, другую – и приникла лицом к челу отходящего мужа. Пушкин погладил ее по

голове и сказал: «Ну, ну, ничего, слава Богу, все хорошо!»

Князь Петр Вяземский:

«Спокойное выражение лица его и твердость голоса обманули бедную жену; она вышла как просиявшая от радости лицом. Вот увидите – сказала она доктору Спасскому, – он будет жив, он не умрет».

Среди звучавших в те дни в доме на Мойке голосов различим и ее голос.

Александр Тургенев:

«Жена подле него, он беспрестанно берет ее за руку... Жена – сила любви дает ей веру – когда уже нет надежды! Она повторяет ему: Tu vivras! (Ты будешь жить! – *фр.*)»

Три дня, самых тяжелых в ее жизни. Как ей хотелось, верно, изменить их ход, совсем недавнее время.... Кто может оценить глубину ее страданий? Нравственные мучения едва ли легче физических, а порой и вовсе – нестерпимей. Такой своей Наташи Пушкин еще не знал.

Три январских дня. Накал всех ее чувств. Веру сменяет уныние, отчаяние – надежду.

Пушкин – жене:

«Ступай в деревню, носи по мне траур два года и потом выходи замуж, но за человека порядочного».

Его духовное завещание жене – хрестоматийно знакомое

– не есть ли высшее проявление любви?! На смертном одре
– о ней. В таких муках, когда и помыслить о чем-то другом,
кроме поглотившей все чувства боли, страдать душой за бу-
дущность жены?! Не ожесточиться против нее сердцем.

Любовь, неподвластная разуму...

Княгиня Вера Вяземская:

«Я подошла к Натали, которую нашла как бы в безумии.

– Пушкин умер?

Я молчала.

– Скажите, скажите правду! Умер ли Пушкин? Все ли
кончено?

Я поникла головой в знак согласия. С ней сделались самые
страшные конвульсии; она закрыла глаза, призывала своего
мужа, говорила с ним громко; говорила, что он жив, потом
кричала: «Бедный Пушкин! Бедный Пушкин! Это жестоко!
Это ужасно! Нет, нет! Это не может быть правдой! Я пойду
посмотреть на него!» Тогда ничто не могло ее удержать.

Она побежала к нему, бросилась на колени, то склоняясь
лбом к оледеневшему лбу мужа, то к его груди, называла его
самыми нежными именами, просила у него прощения, тряс-
ла его, чтобы получить от него ответ».

Константин Данзас:

«Г-жа Пушкина возвратилась в кабинет в самую мину-
ту его смерти... Увидев умирающего мужа, она бросилась к

нему и упала перед ним на колени; густые темно-русые букли в беспорядке рассыпались у ней по плечам. С глубоким отчаянием она протянула руки к Пушкину, толкала его и, рыдая, вскрикивала:

– Пушкин, Пушкин, ты жив?!

Картина была разрывающая душу...»

Александр Тургенев:

«Она рыдает, рвется, но и плачет... Жена все не верит, что он умер; все не верит».

Вдова

Ровно в 14.45 пополудни 29 января 1837 года Наталия Пушкина стала вдовой. Именно с этого времени, с замерших на часах стрелок, начался отсчет вдовства, вместившего семь лет ее жизни.

Княгиня Екатерина Долгорукова:

«По смерти Пушкина у жены его несколько дней не прекращались конвульсии, так что расшатались все зубы, кои были очень хороши и ровны».

Княгиня Вера Вяземская:

«...Конвульсии гибкой станом женщины были таковы, что ноги ее доходили до головы. Судороги в ногах долго продолжались у нее и после...»

Графиня Долли Фикельмон:

«Несчастную жену с большим трудом спасли от безумия, в которое ее, казалось, неудержимо влекло мрачное и глубокое отчаяние».

И в том страшном горе нашла в себе силы: настояла, чтобы мужа похоронили во фраке, а не в придворном мундире – «шутовском наряде», который так раздражал его при жизни.

Александр Тургенев:

«...Пушкина положили не в камер-юнкерском мундире, а во фраке: это было по желанию вдовы, которая знала, что он не любил мундира; между тем государь сказал: «Верно это Тургенев или князь Вяземский присоветовали».

Нет, то было ее волей. Она не забыла давней и казавшейся прежде столь несбыточной тревоги мужа:

«Умри я сегодня, что с Вами будет? мало утешения в том, что меня похоронят в полосатом кафтане, и еще на тесном Петербургском кладбище, а не в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сделаться мне богатым – а там, пожалуй, и кутить можем в свою голову...»

Поначалу горе и отчаяние вдовы поэта, «жаждущей говорить о нем, обвинять себя и плакать», вызывало глубокое сочувствие у всех, кто бывал в ее осиротевшем доме. И свидетельством тому – письма Софьи Карамзиной:

«В субботу вечером я видела несчастную Натали; не могу передать тебе, какое раздирающее душу впечатление она на меня произвела: настоящий призрак, и при этом взгляд ее блуждал, а выражение лица было столь невыразимо жалкое, что на нее невозможно было смотреть без сердечной боли.

Она тотчас же меня спросила: «Вы видели лицо моего мужа сразу после смерти? У него было такое безмятежное выражение, лоб его был так спокоен, а улыбка такая добрая! –

не правда ли, это было выражение счастья, удовлетворенности? Он увидел, что там хорошо». Потом она стала судорожно рыдать, вся содрогаясь при этом. Бедное, жалкое творенье! И как она хороша даже в таком состоянии!..

Вчера мы еще раз видели Натали, она уже была спокойнее и много говорила о муже. Через неделю она уезжает в калужское имение своего брата, где намерена провести два года. «Мой муж, – сказала она, – велел мне носить траур по нем два года (какая тонкость чувств! он и тут заботился о том, чтобы охранить ее от осуждений света), и я думаю, что лучше всего исполню его волю, если проведу эти два года совсем одна, в деревне. Моя сестра едет вместе со мной, и для меня это большое утешение»;

«К несчастью, она плохо спит и по ночам пронзительными криками зовет Пушкина».

...Наталия Николаевна прощалась с сестрой, госпожой Дантес, принявшей фамилию убийцы ее мужа. Это была уже не та Катя, с которой связано столь много отрадных сердцу воспоминаний, не та Катя, которая умоляла некогда младшую сестру «вытащить из пропасти»: в тиши родовой усадьбы она старела, незаметно превращаясь в старую деву, и молодость ее была так грустна и печальна. Как мечталось ей тогда о светском Петербурге, как просила она Ташу помочь ей!

Натали настояла, уговорила мужа: ее жалость обернулась великой бедой... И как невыносимо больно слышать ей сло-

ва Катрин, что та «прощает Пушкину»!

Александр Карамзин:

«Она (Екатерина) – единственная, кто торжествует до сего времени и так поглупела от счастья, что, погубив репутацию, а может быть, и душу своей сестры, госпожи Пушкиной, и вызвав смерть ее мужа, она в день отъезда этой последней послала сказать ей, что готова забыть прошлое и все ей простить!!!»

Тогда сестрам не дано было знать, что в жизни им более не доведется встретиться и что простились они навечно.

Софья Карамзина:

«...И тут, наконец, Катрин хоть немного поняла несчастье, которое она должна была бы чувствовать и на своей совести; она поплакала, но до этой минуты была спокойна, весела, смеялась и всем, кто бывал у нее, говорила только о своем счастье. Вот уж чурбан и дура!»

Школа злословия

Вместе с сестрой Александрой и детьми 16 февраля 1837 года Наталия Николаевна покинула Петербург. И уже на следующий день Софья Карамзина самым подробным образом описывает проводы брату Андрею.

Софья Карамзина:

«Вчера вечером, мой друг, я провожала Натали Пушкину... Бедная женщина! Но вчера она подлила воды в мое вино – она уже не была достаточно печальной, слишком много занималась укладкой и не казалась особенно огорченной, прощаясь с Жуковским, Данзасом и Далем... Нет, эта женщина не будет неутешной. Затем она сказала мне нечто невообразимое, нечто такое, что, по моему мнению, является ключом всего ее поведения в этой истории...»

«Я совсем не жалею о Петербурге; меня огорчает только разлука с Карамзиными и Вяземскими, но что до самого Петербурга, балов, праздников – это мне безразлично»...

Бедный, бедный Пушкин! Она его никогда не понимала. Потеряв его по своей вине, она ужасно страдала несколько дней, но сейчас горячка прошла, остается только слабость и угнетенное состояние, и то пройдет очень скоро».

Екатерина Карамзина:

«Больно сказать, но это правда: великому и доброму Пушкину следовало иметь жену, способную лучше понять его и более подходящую к его уровню... Бедный, бедный Пушкин, жертва легкомыслия, неосторожности, опрометчивого поведения своей молодой красавицы-жены, которая, сама того не подозревая, поставила на карту его жизнь против нескольких часов кокетства».

Напрасно взывал в те скорбные дни к общим друзьям князь Вяземский. Его слова не были услышаны:

«Более всего не забывайте, что Пушкин нам всем, друзьям своим, как истинным душеприказчикам, завещал священную обязанность: оградить имя жены его от клеветы. Он жил и умер в чувстве любви к ней и в убеждении, что она невинна...»

Софья Карамзина:

«Ведь даже горесть, которую он оставлял своей жене, и этот ужас отчаяния... теперь уже совершенно утихло! – а он-то знал ее, он знал, что это Ундина, в которую еще не вдохнули душу».

Предсмертное пророчество поэта сбылось. И так неожиданно скоро... Но знать бы ему, что имя его Наташи будет предано злословию и в грядущем веке.

Марина Цветаева:

«...Гончарова не причина, а повод смерти Пушкина, с ко-

лыбели предначертанной. Судьба выбрала самое простое, самое пустое, самое невинное орудие: красавицу».

Из заповедей блаженства:

«Блаженны Вы, когда будут поносить Вас и гнать, и всячески неправедно злословить...»

«Бедная!!!»

Лишь очень немногие, посвященные во все хитросплетения преддуэльной истории и знавшие истину, сочувствовали несчастной вдове, в числе их – самодержец Российской империи.

Император Николай I:

«Сам (Геккерн) сводничал Дантесу в отсутствие Пушкина, уговаривал жену его отдаться Дантесу, который будто к ней умирал любовью, ... тогда жена открыла мужу всю гнусность поведения обоих, быв во всем совершенно невинна».

Андрей Карамзин:

«Бедная Наталья Николаевна! Сердце мое раздиралось при описании ее адских мучений. Есть странные люди, которым не довольно настоящего зла, ... которые здесь уверяли, что смерть Пушкина не тронет жены его, que c'est une femme sans coeur (что эта женщина без сердца – *фр.*)».

Князь Петр Вяземский:

«Пушкин и его жена попали в гнусную западню, их погубили»;

«...Адские сети, адские козни были устроены против Пушкина и жены его».

Тогда других чертей нетерпеливый рой
За жертвой кинулся с ужасными словами.

Схватили под руки жену с ее сестрой,
И заголили их, и вниз пихнули с криком —
И обе сидючи пустились вниз стрелой...

Порыв отчаянья я внял в их вопле диком;
Стекло их резало, впивалось в тело им —
А бесы прыгали в веселии великом.

Я издали глядел — смущением томим.

Будто дано было знать поэту о горькой участи жены и сводницы задолго до рокового исхода...

Александр Карамзин:

«Вчера выехала из Петербурга Н.Н. Пушкина. Я третьего дня ее видел и с ней прощался. Бледная, худая, с потухшим взором, в черном платье, она казалась тению чего-то прекрасного. Бедная!!!»

Путь вдовы поэта, вместе с детьми и сестрой Александрой, лежал в Москву и далее — в калужскую усадьбу. Тайные знаки судьбы: Наталия Пушкина проезжает по Никитской, мимо храма Большого Вознесения, где она венчалась с поэтом, в тот самый знаменательный день — 18 февраля! То-

гда, шесть лет назад (а кажется – вечность!), она была счастливейшей из женщин!

Как памятны те дни! И как свежи воспоминания! Отныне лишь они – ее печальный удел...

Затворница

Наталия Николаевна приедет в Полотняный Завод, где все еще дышит памятью поэта и где стихотворные строки, начертанные им на стенах беседки-«миловида», не успеют потускнеть. Но приедет – уже вдовой.

После блистательного Петербурга жизнь в усадьбе текла медленно и печально. Но Петербург отныне и навсегда связан для нее со смертью мужа. А здесь все – старые аллеи, заросшие берега речки Суходрев, стены дома – незримо хранит образ живого Пушкина.

Она будет жить не в фамильном дворце вместе с семьей брата Дмитрия, а отдельно, с Александрой и детьми, в Красном доме, – там, где раньше останавливался Пушкин. Так уж случится, что у Натали с женой брата, Елизаветой Егоровной, сложатся непростые отношения. И виной тому будет явное недоброжелательство последней к вдове поэта.

Дмитрий Гончаров – сестре Екатерине Дантес:

«Живут (сестры) очень неподвижно... Натали чаще грустна, чем весела, нередко прихварывает, что заставляет ее иногда целыми неделями не выходить из своих комнат...» Наталия Николаевна полностью посвящает себя детям, они – ее спасение. И она – самая нежная и заботливая мать на свете.

Софья Карамзина – брату Андрею Карамзину:

«...На днях я получила письмо от Натальи Пушкиной... Она кажется очень печальной и подавленной и говорит, что единственное утешение, которое ей осталось в жизни, это заниматься детьми...»

Не избежать ей и новых тревог. В мае 1838 года серьезно заболел трехлетний Гриша, и Наталия Николаевна уезжает с ним в Москву.

Наталия Пушкина – брату Дмитрию Гончарову:

«...Я здесь уже несколько дней из-за здоровья Гриши... Я здесь только для того, чтобы посоветоваться с врачами, никого не вижу, кроме них, и нахожусь в постоянной тревоге».

Сестры живут почти затворницами, не позволяя себе никаких, даже самых невинных развлечений. Грустным свидетельством тому совместное письмо Александры и Натали, адресованное в эльзасский городок Сульц.

Наталия Пушкина – сестре Екатерине Дантес:

«Мы точно очень, очень виноваты перед тобою, душа моя, давно к тебе не писали, разные обстоятельства были тому причиною... М-м Сиркур поблагодари за память..., услугами ее пользоваться не можем, ибо мы из черных шлафоров не выходим... Двери нашего красного замка крепко закрыты...»

Кто знает, скольких душевных мук стоили младшей сест-

ре эти строки! И сколь много в них кротости и такта! Ничем не посмела попрекнуть Катрин, повинную в том, что ныне все наряды приходится ей сменить на «черный шлафор»...

Одно из немногих утешений Натали в те годы – чтение (благо в Красном доме – богатейшая фамильная библиотека). Но многие книги прочитаны и перечитаны не единожды, и она просит друга покойного мужа Павла Воиновича Нащокина выслать ей все сочинения Бальзака.

Наталия Пушкина (ее строки приводит в своем письме Софья Карамзина):

«Я выписала сюда все его (мужа) сочинения, я пыталась их читать, но у меня не хватает мужества: слишком сильно и мучительно они волнуют, читать его – все равно, что слышать его голос, а это так тяжело!»

Анна Ахматова:

«Никакого культа Пушкина после его смерти в доме вдовы не было».

Марина Цветаева:

«Раздарив все смертные реликвии Пушкина – «я думаю, вам приятно будет иметь архалук, который был на нем в день его несчастной дуэли», Нащокину – архалук (красный, с зелеными клеточками), серебряные часы и бумажник..., Далю – талисманый перстень с изумрудом и «черный сюртук с

небольшой, в ноготок, дырочкой против правого паха...»

Так ли это? Справедливы ли обвинения? Ведь дорогие реликвии отданы самым близким друзьям поэта. Для Наталии Николаевны бесценно все, что связано с именем мужа. Из Полотняного Завода в Болдино она отправляет крестьянина с поручением к управляющему имением Осипу Пеньковскому – привезти все рукописи и вещи ее покойного мужа.

Словно слышится ее живой голос, тихий, но твердый в том своем великом горе. Вот оно, это письмо:

«Милостивый государь Осип Матвеевич!

В находящемся под управлением Вашим селе Болдино какие только есть принадлежащие лично покойному мужу моему Александру Сергеевичу Пушкину книги, бумаги, письма, и вещи, все без остатку, сделайте одолжение, выдайте для доставления ко мне подателю сего крестьянину Власу Абрамову Комарову без задержания.

С почтением, честь имею быть, милостивый государь,

Вам покорная... *Наталья Пушкина.*

Полотняный Завод июня 11 дня 1837».

...Будто услышанная ею давняя просьба мужа: «Пиши мне в Болдино».

«Бог правду видит, да не скоро скажет». Это о ней, жене поэта, столько претерпевшей во мнении людском и в своей недолгой жизни, и уже после смерти. Сколь много поклонников поэта судили о жизни Наталии Николаевны слишком

смело и слишком бесстрастно.

Не понимала, не знала цену гения?! А это забытое ее письмо, как много говорит оно ныне!

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия...

Какое горькое утешение слышать живой голос мужа, обращенный к ней! И как легко воскресить прошедшее! Мелькают в памяти минувшие дни, дни ее жизни с Пушкиным. И в их пестрой череде — самый первый, самый памятный — день их встречи.

«И жизни лучшие часы»

*Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали!
И легковые мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.*
А.С. Пушкин

День встречи поэта и его избранницы – какими странными непредсказуемыми путями вела к нему судьба! Если заглянуть в историю рода Пушкиных – Гончаровых, то представится величественно-трагическая картина.

День этот предопределен всем ходом истории – не только русской, но и общемировой. Не притязания бы Османской империи к землям Черного континента, так и остался маленький Ибрагим в Абиссинии, в отчем доме, а не стал бы заложником турецкого султана. А значит – не привезен бы в Россию, в подарок русскому царю Петру I!

Должен был прибыть в Киев ко двору великого князя Всеволода II Ольговича далекий предок поэта серб Ратша, граф Савва Рагузинский доставить из Константинополя в Москву арапчонка, засидевшаяся в девках Мария Пушкина вый-

ти замуж за сына царского арапа, гетман Петр Дорошенко потерпеть поражение и попасть в плен к московскому царю, генерал Иван Загряжский похитить лифляндскую баронессу, калужский купец Афанасий Гончаров построить полотняные заводы, его правнук Николай встретить в Петербурге красавицу Наталию Загряжскую, а подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка Сергей Пушкин увлечься «прекрасной креолкой»... И будто бы все эти разновеликие события – интриги, похождения, злодейства, царствования, войны – имели собой одну-единственную цель: привести Александра Пушкина и юную Наташу Гончарову на Тверской бульвар в дом Кологривовых.

Есть в том своя неслучайность, что поэт повстречал свою избранницу в родной ему Москве. На исходе 1828 года Пушкин приехал в Первопрестольную из Тверской губернии, где так славно провел он минувшую осень, чтобы вскоре вновь отправиться «по прежнему следу»...

В доме Кологривовых на балу у танцмейстера Йогеля – кончился Рождественский пост, и по всей предновогодней Москве нескончаемой чередой шли балы – Пушкин впервые увидел шестнадцатилетнюю Натали.

Петр Андреевич Йогель был известен несколькими поколениям москвичей, и слава о его балах, что давал он в особняках московской знати, гремела по всей столице. Лев Толстой оставил их описание на страницах романа «Война и мир»: «У Йогеля были самые веселые балы в Москве. Это говори-

ли матушки, глядя на своих «подросточков», выделяющих свои только что выученные па; это говорили и сами подростки, танцевавшие до упаду; это говорили взрослые девицы и молодые люди, приезжавшие на эти балы с мыслию снизойти до них и находя в них самое лучшее веселье... Особенного на этих балах было то, что не было хозяина и хозяйки: был, как пух летающий, по правилам искусства расшаркивающийся добродушный Йогель... было то, что на эти балы еще езжали те, кто хотел танцевать и веселиться, как хотят этого тринадцати- и четырнадцатилетние девочки, в первый раз надевающие длинные платья».

Вот на таком веселом рождественском балу и свела судьба Пушкина и юную Натали.

«В белом воздушном платье, с золотым обручем на голове, она в этот знаменательный вечер поражала всех своей классической, царственной красотой. Александр Сергеевич не мог оторвать от нее глаз... Она стыдливо отвечала на восторженные фразы, но эта врожденная скромность, столь редкая спутница торжествующей красоты, только возвысила ее в глазах влюбленного поэта»¹.

...Встреча та стала поистине судьбоносной для отечественной культуры. И ныне кажется событием мирового порядка. Не случись она в заснеженной Москве сто восемьдесят лет назад, не легли бы на лист пушкинские строки:

¹ Из воспоминаний Александры Петровны Араповой, урожденной Ланской, дочери Наталии Николаевны от второго брака.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна...

Она, Натали Гончарова, коронована монархом русской поэзии, и что может быть выше дарованного ей поэтического титула – «чистейшей прелести чистейший образец»!

Прекрасному творению Божьему Пушкин отныне готов поклоняться всю жизнь, в нем одном черпать и восторги, и утешения, и силы. Не множеством, а одной! Не другими, прежде любимыми и воспетыми, но одной ею. Единственной!

Неиссякаемый источник любви и вдохновения поэта: его кумир, ангел, сокровище, мадонна! Счастливейшим из людей называл себя Пушкин в преддверии свадьбы.

Но как часто биографы поэта грешили тем, что пытались «сделать» за него свой выбор, – оценивали, судили, наставляли... Еще в начале прошлого века один из генеалогов поэта, ныне безвестный профессор Сикорский, сетовал, что на жизненном пути Пушкину встретилась не та женщина: «Живи Пушкин в Михайловском, под сенью Арины Родионовны, или в Тригорском, Россия не имела бы несчастья оплакивать его раннюю смерть».

Смешно и горько читать ныне эти строки. «Примеряли» на себя роль жены Пушкина и такие тонкие его ценители, как Марина Цветаева и Анна Ахматова, – вот они-то, будь

на месте этой «пустышки» Натали, уберегли бы поэта...

Но Пушкину была нужна только его Наташа. «...Заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь», – писал он невесте. И, надо полагать, слово свое сдержал, – ведь сказано то не пылким юношей, но зрелым мужем, знающим цену и словам, и поступкам.

...Полтора столетия минули с кончины Наталии Гончаровой-Пушкиной-Ланской, и полтора столетия кипят страсти: кто она в жизни поэта – ангел, роковая женщина или просто «пустое место»? И как же медленно и трудно очищается ее образ от обывательского злословия, чтобы вновь предстать в своей первозданной чистоте. Поклоняться Пушкину и чернить его Мадонну – «две вещи несовместные». Ведь вся жизнь его и поэзия после декабря 1828-го – встречи с Натали Гончаровой – осенена ее светлым именем.

Та девочка... иль это сон?..

...А в первых числах января 1829 года Пушкин вновь отправился в тверские края, в Старицу, где его ждал приятель Алексей Вульф. В уездном городке тоже царило веселье – давали святочные балы. И Александр Сергеевич, по воспоминаниям, принимал в них самое живое участие: много танцевал, не скупился на комплименты провинциальным барышням, и даже усердно ухаживал за синеглазой Катенькой Вельяшевой. Но в глубине души хранил образ девочки,

встреченной в Москве и так поразившей воображение своей небесной ангельской красотой: «Целую кончики ваших крыльев...»

Портрет невесты на рукописи «Полтавы»

*Я отсчитываю минуты, которые отделяют
меня от вас.*

Пушкин – Натали Гончаровой

«Приехал... Пушкин»

Каким необычным был для Пушкина год 1828-й от Рождества Христова! Сколь много вместил он в себя любви и творческих озарений, отчаяния и призрачных надежд на счастье.

А начинался он под знаком любви к Аннет Олениной. В честь ее слагались будущие шедевры пушкинской лирики, на рукописных страницах мелькали то ее головка с ниспадавшими локонами, то перевитые лентами маленькие ножки в бальных туфельках...

Нет, не судьба... Гостеприимное оленинское Приютино не стало родным для поэта. Крушение надежд, мечтаний... «Я пустился в свет, потому что бесприютен». И вновь мучительные подспудные поиски своего Дома, желание жить и «познать счастье»...

Ужель мне скоро тридцать лет?

Итак, декабрь 1828 года. Предновогодняя Москва полнится слухами – Пушкин приехал! Приехал так неожиданно, что никого из друзей не успел (или не захотел?) оповестить.

«Декабрь. 6... Приехал в Москву Пушкин» – записывает в дневник знакомец поэта историк Михаил Погодин.

А следом – еще одна временная зарубка: 12 декабря. Князь Петр Вяземский сообщает жене: «Здесь Александр Пушкин; я его совсем не ожидал. Он привез славную поэму «Мазепа», но не Байроновского, а своего. Приехал он недели на три, как рассказывает, еще ни в кого не влюбился, а старые любви его немного отшатнулись...»

Пушкин прибыл в Первопрестольную из Тверской губернии, из Малинников, столь милых его сердцу «Вульфовых поместий». Ему так не терпится показать друзьям новую поэму. Написана она была еще осенью, написана на едином дыхании, в те счастливейшие мгновения, когда под напором поэтических строк рушатся незримые плотины, и стихи текут мощно и вольно.

«Сильные характеры и глубокая трагическая тень, наброшенная на все эти ужасы, – вот что увлекло меня, – признавался сам поэт, – «Полтаву» написал я в несколько дней; далее не мог бы ею заниматься и бросил бы все».

Вот он, этот стремительный полет мысли гения: первая песнь «Полтавы» завершена 3 октября, вторая – 9 октября,

и последняя, третья – 16-го! А через три дня, сразу после дружеской пирушки в Петербурге в честь лицейской годовщины, Пушкин едет в Тверскую губернию, и рукопись только что «вылившейся» из-под его пера поэмы путешествует с ним.

И уже в Малинниках – 27 октября – поэт пишет свое загодочное посвящение:

Тебе – но голос музыки темной
Коснется ль уха твоего?

Все, свершилось! Последний взыскующий взгляд художника. С этого дня и поэт, и его творение – каждый будет жить своей отдельной, особой жизнью.

Скорее в Москву, к друзьям – «на смотрины»! Как-то они примут его новое детище?

«Узнал ли ты...»

«В первый раз Пушкин читал нам «Полтаву» у Сергея Киселева при Американце Толстом и сыне Башилова...» – вновь свидетельствует князь Вяземский. Он мог слышать поэта между 7 и 11 декабря 1828 года. Но где?

Первоначально считалось, что Сергей Киселев, приятель Пушкина, в то время жених Елизаветы Ушаковой, жил в доме графини Головкиной на Никитском бульваре (там, где ныне Дом журналиста).

Но оказалось, что в 1828 году полковник в отставке Сергей Дмитриевич Киселев сменил место жительства и поселился на Поварской, в доме графа Н.А. Шереметева, что в приходе церкви Бориса и Глеба. Истину помогли установить старинные исповедальные книги, некогда хранившиеся в храме.

А поблизости от шереметевского особняка, буквально в пяти минутах ходьбы – стоило лишь по Скарятинскому переулку выйти на Большую Никитскую, – стоял ничем не примечательный, весьма прозаического вида деревянный одноэтажный дом с антресолями, и три его окна с распахнутыми ставнями безучастно смотрели на улицу.

Узнал ли ты приют укромный,
Где мирный ангел обитал...

И жила в том доме со своими сестрами и братьями, строгой матушкой и отцом, страдавшим тяжким душевным недугом, шестнадцатилетняя Таша Гончарова. Жила, несмотря на все сложности семейственных отношений, обычной жизнью московской барышни: мечтала о первых балах и поверяла свои девичьи секреты сестрам Катеньке и Азе, исправно посещала службу в приходском храме, как то было заведено в семье, и прилежно училась, исписывая своим легким летящим почерком одну за другой тетрадки по всемирной истории и мифологии, немецкому синтаксису и географии.

И не могла знать тогда юная Натали, что судьба уже готовит ей встречу с НИМ, ее суженым, ее супругом! И что в те декабрьские дни Александр Пушкин уже в Москве, и чтобы видеть его, не надо даже закладывать экипаж – ОН совсем рядом, в доме на соседней улице! Читает друзьям свою новую поэму...

Как сладок юности покой!

«И день настал»

Преддверие встречи. Тайное сближение судеб. Время начало свой незримый отсчет...

Пройдет не более двух недель, и на исходе декабря поэт увидит ее на рождественском балу в доме Кологривовых на Тверском бульваре. И Натали Гончарова в тот знаменательный вечер в белом воздушном платье с золотым обручем на голове будет прекрасна как юная богиня.

Вокруг высокого чела,
Как тучи, локоны чернеют.
Звездой блестят ее глаза...

Он подойдет к ней, замороженный и покоренный юной царственной красотой. А она, увидев подле себя знаменитого поэта, словно сошедшего к ней небожителя, в ореоле славы и всеобщей любви, смущенная его комплиментами, опустит прекрасные глаза. И это естественное движение чистой души скажет ему главное. Она будет узнана!

А влюбленный поэт будет вспоминать: «Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась...» И на странице рукописи меж стихотворных строк легкое перо поэта впервые набросает ее милый образ.

С этого благословенного дня в жизнь Пушкина, в его мечтания и надежды полновластно войдет робкая красавица Натали Гончарова. Войдет, чтобы остаться в ней навсегда.

...Черновая рукопись «Полтавы» – скрытый дневник Пушкина. Эти драгоценные листы запечатлели великое таинство – рождение поэмы. Не удивительно ли найти среди них и эти первые строки?

И подлинно: в Украине нет
Красавицы Натальи равной...

Позже поэт наречет дочь страдальца Кочубея иным именем, но имя Натальи (ее имя!) будет названо.

Он горд Натальей молодой,
Своею дочерью меньшей...

Шестнадцатилетняя Натали – Таша, Наталия, младшая из сестер Гончаровых... И эти пушкинские строки, поистине пророческие!

И жертвой пламенных страстей
Судьба Наталью назначала...

Судьба!

...Все-то знает о своем приятеле, и все-то предвидит князь Петр Андреевич: «Он... еще ни в кого не влюбился, а

старые любви его немного отшатнулись...»

«Отшатнулись»! Словно деревья под порывом ветра. Или чтобы яснее указать дорогу к ней. Единственной.

И Аннет Оленина, и графиня Елизавета Воронцова, и крепостная Ольга Калашникова, и Евпраксия Вульф, и Софья Пушкина – все они – прежние «любви», бывшие увлечения.

Светский сплетник Вяземский. Спасибо ему! Он запечатлел в своих письмах незримое: поток любовной энергетики Пушкина, стремительное его развитие. Будто разыгрывается некая музыкальная пьеса с бесконечно меняющимися темпами: аджеволе – «еще ни в кого не влюбился»; адажио – «вероятно, он влюбится»; анданте – «он опять привлюбляется»; аллегро – «влюбляется на старые дрожжи». И в завершение – мощные мажорные аккорды! – признание самого Пушкина: «голова у меня закружилась».

Натали Гончарова. Невеста, жена, вдова...

Но от нее сохранена
Еще убийственная тайна.

«Одной тобой»

Как пламень жертвенный чиста моя любовь...
А.С. Пушкин (из черновых набросков)

В мае 1829-го в предгорьях Северного Кавказа, в Георгиевске, всего за несколько дней до своего тридцатилетия, Александр Пушкин написал строки, которым в грядущем, как и их творцу, суждено будет обрести бессмертие.

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.

Кому посвящена эта божественная элегия, музыкой любуемые стихи?

«Тобой, одной тобой...» Каким бесспорным кажется ответ! Конечно же, юной невесте поэта, оставленной в Москве.

Натали... Невеста ли? Как мучительна неопределенность! Горькое и сладостное чувство одновременно. Отказано в ее руке под благовидным предлогом – слишком молода – и од-

новременно подарена слабая надежда. Неудавшееся сватовство. Душевное потрясение поэта так велико, что ни на день, ни на час он уже не может оставаться в Москве! Все решилось будто само собой первого мая. Получив от свата Толстого ответ, Пушкин не медлил: в ту же ночь дорожная коляска выехала за городскую заставу, и московские купола и колокольни растаяли в предрассветной мгле.

Путь Пушкина лежал на Кавказ, куда он не мог попасть, как верный подданный, посылая письма генералу Бенкендорфу и испрашивая разрешения у своего венценосного цензора стать «свидетелем войны». А тут, словно свыше, пришло решение: Кавказ как спасение от душевной муки, Кавказ как самое горячее место империи, где в схватках с воинственными горами вершилась на глазах история России.

Можно послушаться царя, можно самовольно умчаться из Москвы и даже из России. Но не уехать и не убежать от нее – образ юной Натали, такой далекой и недоступной, невозможно изгнать из памяти. Он уже властно вторгся в его жизнь. И противиться тому невозможно.

...Строки, родившиеся в предгорьях Северного Кавказа, увидели свет в Петербурге в 1830 году. И друзья Пушкина, читая «На холмах Грузии» в альманахе «Северные цветы», полагали, что сей драгоценный поэтический подарок предназначен его невесте. Верно, и Натали, повторяя вслух, словно признание, эти чудные строки, втайне испытывала минуты великого душевного торжества. И не в эти ли счастливей-

шие мгновения ее жизни в сердце робкой красавицы, почти еще девочки, просыпалась любовь?..

Не случайно ведь острая на язычок Александра Россет, не питавшая особых чувств к юной супруге поэта, насмешливо замечала, что та любит лишь стихи мужа, посвященные ей. И то, что среди этих неназванных поэтических посвящений, ведомых лишь одной Натали, были и «На холмах Грузии», тайной не считалось.

Итак, вне сомнений – стихи, написанные Пушкиным на Кавказе, адресованы невесте. Княгиня Вера Вяземская посылает их летом 1830-го Марии Волконской в далекую сибирскую ссылку. Вместе с номерами «Литературной газеты». Княгиня, добрый друг Пушкина и поверенная многих его сердечных тайн (ведь стихи он переписал для нее и, видимо, по ее же просьбе, когда в начале июня гостил у Вяземских в Остафьеве), считает нужным пояснить, что новое творение автор посвятил своей невесте Натали Гончаровой.

Имя московской красавицы тогда, как и все перипетии сватовства и женитьбы Пушкина, у всех на устах, и вызывают живейший интерес как в солнечном Риме, так и в Петровском Заводе, в промерзлой Сибири.

Мария Николаевна не замедлила откликнуться: она, конечно же, благодарна приятельнице за дружескую память и за присланные ей стихи «На холмах Грузии», которые она уже сообщила друзьям, и, подобно строгой критикессе, проводит их литературный анализ.

«В двух первых стихах поэт пробует голос; звуки, извлекаемые им, весьма гармоничны, нет сомнения, но в них нет ни связи, ни соответствия с дальнейшими мыслями нашего великого поэта, и, судя по тому, что вы мне сообщаете о той, кто вдохновляет его, мысли и свежи и привлекательны, — пишет княгиня Волконская. — Но конец ... это конец старого французского мадригала, это любовная болтовня, которая так приятна нам потому, что доказывает нам, насколько поэт увлечен своей невестой, а это для нас залог ожидающего его счастливого будущего».

И добавляет: «Поручаю Вам передать ему наши самые искренние, самые подлинные поздравления».

Но что-то в тоне ее послании слегка настораживает. Подсознательное скрытое раздражение сквозит в строках, быть может, еле уловимая ревность. Ведь для нее все это не более чем «любовная болтовня», и чувства и слова первого русского поэта явно обветшали. Так ли полагала она на самом деле? Преподобной богине, музе, поистине прекрасной и героической женщине, не очень то легко уступать пьедестал. Пусть даже и не в реальной жизни — ведь судьба давно уже развела их пути. Да и разделяет ее и Пушкина огромное пространство — чуть ли не вся Российская империя пролегла между ними...

Знать бы ей, что минет столетие, и ученые мужи, разбирая рабочие тетради поэта, вдруг объявят ее, черноокою красавицу Марию Волконскую, «утаенной любовью», вдохновившей поэта на создание именно этого поэтического шедевра.

ра. И в качестве самого весомого аргумента напомним о другой, самой первой поездке Пушкина на Кавказ, когда Мария, тогда еще Раевская, дочь славного боевого генерала, была юным очаровательным созданием. И Александр Пушкин долгие годы не мог забыть и ее милую кудрявую головку, и прелестные ножки...

Я снова юн и твой...

Я твой по-прежнему – тебя люблю я вновь
И без надежд, и без желаний
Как пламень жертвенный чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний...

Как было некогда, я вновь тебя люблю...

Бесспорно, эти строчки из черновых автографов того же стихотворения к юной Натали не имеют никакого отношения.

Прошли за днями дни – сокрылось много лет
Где вы, бесценные созданья
Иные далеко, иных уж в мире нет
Со мной одни воспоминанья

Но тогда и это признание не имеет прямого обращения к Марии Волконской. И так ли уж печалилось сердце поэта о той давней юношеской страсти?

Но, пожалуй, самую оригинальную версию выдвинул Юрий Тынянов: пушкинская элегия посвящена почтенной Екатерине Карамзиной, вдове великого историка, любовь к которой поэт, оказывается, утаивал всю свою жизнь.

Где вы, бесценные создания

Верное слово далось не сразу. Поэт подбирал ему замену: «любимые, знакомые»...

Какой ареал поиска! Это куда обширнее знаменитого «донжуанского списка» поэта! Ведь к «бесценным и любимым», а тем более к «знакомым» Александра Сергеевича можно отнести всех особ женского рода, встречавшихся на его жизненном пути!

...Душа моя

Их образ тайный сохранила...

Всем достанет места в волшебной стране воспоминаний – былые музы и соперницы мирно уживаются в ней: утонченная графиня Воронцова и малютка Оленина, умница Катенька Ушакова и покинувшая земную обитель экстравагантная Амалия Ризнич...

Не прощание ли это с прежними богинями и с той из них, чье имя утаено, и чей образ все еще горит в сердце поэта? Но в нем, словно на пепелище былых страстей, уже властно пробивается новый росток. Встает светлое имя – Натали.

Да, все они, «бесценные создания», были, но она одна есть.

Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла
Восходят звезды надо мною
Мне грустно и легко...

Пушкин – самый строгий и беспощадный собственный цензор. Первоначальные наброски, эти вулканические выбросы чувств и эмоций, словно убираются им в глубины памяти. И прекрасные стихи, составившие честь бы любому поэту, так и останутся в черновых рукописях, доступных одним дотошным исследователям. Отныне бесценное право на жизнь даровано только восьми строфам. И в каждой – Ее незримый образ.

Восемь оставленных строк. Но и они – всего лишь приближение к авторскому замыслу, последняя ступень к совершенству. Еще несколько штрихов мастера.

На холмы Грузии ночная тень легла
Шумит Арагва предо мною
Мне грустно и легко, печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою...
Тобой, одной тобой – мечтанья моего
Ничто не мучит, не тревожит
И сердце живо вновь – и любит от того
Что не любить оно не может.

На том же листке поэт вдруг ставит отточие, и, словно за-

думавшись, рисует ангела. Но ангел вполне земной – он не витает в облаках, а ступает по тверди.

Спустился ли он с небес на грешную землю? Небесное ли то создание или юная дева с трогательными карнавальными крылышками, стройная, с модной, вполне светской прической, «глаза и кудри опустив», в бальных туфельках со скрепленными тесемками робко делает шаг? Куда? Что влечет ее? На одном уровне с ее башмачками, с той условной «землей», размашисто выведена надпись на французском «Pouchkine». Пушкина. Как неожиданно... Кто она?

Ну, да, конечно же, совсем недавно, всего год назад, Пушкин чертил на рукописях анаграммы другого имени – Аннет Олениной и даже, позволив себе замечтаться, однажды вывел на листе «Annette Pouchkine».

Но Анне Олениной так и не суждено было носить эту магическую фамилию – Пушкина. А в мае 1829 года лишь одна юная особа имела все права в недалеком будущем именоваться именно так.

Странно, но никто из исследователей не связал нарисованного Пушкиным ангела с подписью самого поэта. И не логично ли тогда предположить, что и пушкинский рисунок вовсе не абстрактен. Стоит лишь пристальней взглянуть на него – и увидеть милый знакомый профиль, чуть заостренный характерный «гончаровский» подбородок, грациозно наклоненную головку, довольно высокую фигуру и даже разглядеть очерченную, отнюдь не маленькую, не «оленин-

скую» ножку. И вспомнить строки из письма поэта, отправленного матери невесты – его признание в том, что, уезжая на Кавказ, он увозит «в глубине своей души» «образ небесного существа», обязанного ей жизнью, вспомнить, что поэт любил называть свою Наташу ангелом и целовать в письмах к невесте кончики ее воображаемых крыльев. И, как знать, не имел ли ангел, «запечатленный» поэтом на рукописной странице, земного имени – Наталия?

Пушкин обычно не подписывал своих рисунков – они рождались, как и стихи, безудержно и вдохновенно. Графические наброски и строки в рабочих тетрадах поэта – неделимое действо, великое таинство творчества. Сколько еще осталось неразгаданных пушкинских рисунков – почти столько же предположений и версий, кто из бесчисленных знакомцев поэта удостоился высокой чести быть запечатленным его быстрым пером!

Как разгадать сокровенные мысли русского гения, движения его души?

Кого твой стих боготворил?

Но на этой рукописной странице есть подпись. И поэтические строки, и зримый образ избранницы, и мечты, и потаенные надежды – все словно вобрал в себя старинный лист.

...Натали еще только делает шаг навстречу судьбе. Первый, жертвенный. Пушкин его уже сделал.

Звездный час Натали

Одной картины я желал быть вечно зритель...
А.С. Пушкин

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.